ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА

НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА ВАРЛАМОВА

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10

E-mail: varlam_n@list.ru

SPIN-код: 6063-4291

ORCID: 0000-0002-0968-3296

DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА — НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА?

Аннотация. Цифровизация существенным образом затрагивает практически все социальные отношения, что требует переосмысления многих базовых юридических понятий. Одним из них являются права человека. Сегодня все чаще утверждается, что технологические инновации влекут за собой появление новых цифровых прав человека, которые принципиальным образом отличаются от традиционных прав и образуют новое поколение прав человека. Наиболее часто среди таких прав называют право на доступ к Интернету, право на защиту персональных данных и право на забвение (право на удаление). Чтобы оценить обоснованность этих утверждений, необходимо прояснить основания классификации прав человека по поколениям и определить соотношение новых прав человека с традиционными.

Классификация прав человека по их поколениям, предложенная в 1970-х гг. К. Васаком, может базироваться как на содержательном (сущностном), так и на хронологическом критерии. В последнем случае число новых поколений прав человека может быть сколь угодно велико, а различие между ними незначимы. Если же исходить из содержательного критерия, то права первого поколения выражают притязания человека на индивидуальную свободу и предполагают обязанности государства по ее уважению и защите; права второго поколения — это притязания на социальную помощь со стороны государства и общества для поддержания достойного уровня жизни; права третьего поколения — своего рода проекция прав первого и второго поколений на отношения между социальными общностями (международные в собственном смысле, не межгосударственные, отношения). В таком контексте для обоснования появления нового поколения прав человека необходимо доказать, что образующие его права имеют принципиально иную юридическую природу по сравнению с правами первого и второго поколений.

Право на доступ к Интернету в международно-правовых актах, национальных конституциях и законах, а также в судебной практике рассматривается прежде всего как условие и гарантия реализации традиционных прав человека. Вместе с тем с учетом особой значимости Интернета для осуществления многих прав человека, развития демократии и гражданского общества, транспарентности государственного управления доступ к нему может быть признан самостоятельным правом человека. Однако юридическая природа данного права вполне традиционна, оно включает в себя притязания, относящиеся как к первому, так и ко второму поколению прав человека. Как право первого поколения оно предполагает негативные обязательства государства не запрещать и не ограничивать доступ к Интернету (отдельным интернет-ресурсам) и его позитивные обязательства по установлению правового регулирования доступа к Интернету и предоставлению защиты от неправомерных ограничений, в том числе и со стороны частных лиц. В качестве права второго поколения может рассматриваться доступность Интернета в материально-техническом смысле, что предполагает позитивные обязательства государства по созданию соответствующей инфраструктуры, субсидированию предоставляемых провайдером услуг, организации пунктов публичного доступа, развитию соответствующих образовательных программ и т.п. Вместе с тем действующее международно-правовое и национальное регулирование данной сферы отношений не позволяет утверждать, что юридическое признание права на доступ к Интернету состоялось.

Ключевые слова: права человека, поколения прав человека, цифровизация, цифровые права, свобода выражения, свобода информации, право на коммуникацию, право на доступ к Интернету

NATALIA V. VARLAMOVA

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

10, Znamenka str., Moscow 119019, Russian Federation

E-mail: varlam_n@list.ru

ORCID: 0000-0002-0968-3296

DIGITAL RIGHTS — NEW GENERATION OF HUMAN RIGHTS?

Abstract. The digitalization substantially affects virtually all social relationships, the fact that requires reassessment of many basic legal concepts. Among them are human rights. It is now increasingly asserted that technological innovations result in the emergence of new digital rights being that fundamentally differ from conventional rights and form a new generation of human rights. The most frequent among such rights are a right to internet access, right to personal data protection and right to be forgotten (right to erasure). To assess the validity of such assertions it is necessary to

clarify the grounds for classification of human rights by generations and to determine the correlation between new human rights and the conventional ones.

The classification of human rights by their generations offered in 1970 by K. Vasak can be based upon substantive (essential) and chronological criteria. In the latter case the number of new generations of human rights can be whatsoever high while the difference between them is insignificant. If to proceed from the substantive criterion, the rights of the first generation express claims of a human being towards individual freedom and assume the obligation of the State to respect and protect it; rights of the second generation are claims towards social assistance on the part of the State and society to maintain an adequate standard of living; rights of the third generation are a sort of projection of rights of the first and second generations to relations between social communities (international, in proper sense, non cross-border, relations). In such context to substantiate the emergence of a new generation of human rights it is necessary to prove that the related rights forming it have an absolutely different legal nature as compared to the rights of the first and second generations.

The right for internet access in international acts, national constitutions and laws as well as in judicial practice is primarily treated as a condition and guarantee of exercise of conventional human rights. Along with this, with due regard to a special significance of Internet for exercise of many human rights, development of democracy and civil society, transparency of state administration the access to it may be recognized as an independent human right. However, the legal nature of such right is quite conventional, it includes claims related both to the first and second generation of human rights. As a right of the first generation it assumes negative obligations of the State not to prohibit and not to restrict an access to Internet (certain Internet resources) and its positive obligations to establish a statutory regulation of access to Internet and provision of protection against illegal restrictions, *inter alia*, on the part of private entities. As a right of the second generation the accessibility of Internet in its material and technical aspects may be regarded, the fact that assumes positive obligations of the State to establish a corresponding infrastructure, to subsidize the provider-supplied services, to organize public access points and to develop educational programs etc. Moreover, the currently applicable international and national regulation of this sphere of relations does not allow asserting that the legal recognition of the right to Internet access has taken place.

Keywords: human rights, generations of human rights, digitalization, digital rights, freedom of expression, freedom of information, right to communicate, Internet access right

1. Введение

Современные процессы информатизации и цифровизации затрагивают все социальные отношения, во многом меняют сам характер социального взаимодействия, переводя значительные его составляющие в виртуальную плоскость. А это, в свою очередь, требует теоретического переосмысления традиционных юридических понятий,

с помощью которых описываются разнообразные социальные интеракции. Одним из таких понятий являются права человека, фиксирующие его базовые притязания, обращенные к другим лицам, государству и обществу. Сегодня утверждается, что технологические инновации не только требуют реинтерпретации традиционных прав человека, но и обуславливают появление их новых категорий, которые могут быть определены как *sui generis* поколение цифровых прав¹.

Однако существенные проблемы возникают даже с самим названием этих новых прав. В отечественной литературе их обычно называют информационными, цифровыми, виртуальными², в англоязычной литературе пишут о цифровых правах (*digital rights*)³, интернет-правах (*Internet rights*)⁴, праве на коммуникацию (*right to communicate*)⁵, свободе соединения с любым лицом, в любое время, в любом месте, для любых целей (*freedom to connect — to anyone, anytime, anywhere, for anything*)⁶. Иногда эти термины используют как синонимы, иногда акцентируется определенная специфика обозначаемых ими прав.

Ни один из данных терминов нельзя признать безупречным. Информационные или коммуникационные права, предполагающие свободу получения и распространения информации, участия в процессах коммуникации и защиту персональных данных, не обязательно связаны с использованием современных технологий, они реализуются как *offline*, так и *online*, не случайно борьба за их международное признание началась еще до эры Интернета. Термин «виртуальные права» обладает дополнительной коннотацией, указывающей на их как бы нереальный характер, что вряд ли полезно для обеспечения соответствующей

¹ См.: *Coccoli J.* The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era // *Peace Human Rights Governance*. 2017. Vol. 1. Iss. 2. P. 226.

² Э.В. Талапина, например, использует все три термина как синонимы (см. *Талапина Э.В.* Права человека в Интернете // *Журнал российского права*. 2019. № 2. С. 41–54).

³ См., например: *Coccoli J.* Op. cit. P. 223–250.

⁴ См., например: *Penney J.W.* Internet Access Rights: A Brief History and Intellectual Origins // *William Mitchell Law Review*. 2011. Vol. 38. Iss. 1. P. 10–42.

⁵ См., например: *Fisher D.* The Right to Communicate: A Status Report. UNESCO Reports and Papers on Mass Communication. No. 94. Paris, 1982; *The Right to Communicate: A New Human Rights* / Ed. by D. Fisher, L.S. Harms L.S., Dublin, 1983; *Hamelink C.J.* The Politics of World Communications: A Human Rights Perspective. London, 1994; *Penney J.W.* Op. cit. P. 18–20.

⁶ См., например: *Connors L.* Freedom to Connect // *Wired Magazine*. 1997. August. P. 106–107; *Penney J.W.* Op. cit. P. 17–18.

щих прав. Интернет-права, или сетевые права, выражают притязания на доступ к сети «Интернет» и осуществлению в ней различных видов деятельности. Но современные цифровые технологии уже сегодня не ограничиваются Интернетом. Исследователи обосновывают более общее право на доступ к современным научным и технологическим достижениям и пользование проистекающими из них преимуществами (*right to benefit from advanced in science and technology*)⁷. Таким образом, термин «цифровые права» кажется наиболее адекватным. Однако Гражданский кодекс РФ (далее — ГК РФ) под цифровыми правами понимает обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам (ч. 1 ст. 141¹)⁸. Данное узкоспециальное отраслевое легальное определение цифровых прав, конечно, может внести определенную терминологическую путаницу, но понятие «цифровые права» и в отечественной, и в зарубежной литературе уже утвердилось в более широком значении, охватывающем права человека, связанные с использованием современных цифровых технологий и функционированием в цифровой среде. Наиболее общепризнанными среди таких прав на сегодняшний день являются право на доступ к Интернету (*Internet access right*), право на защиту персональных данных и право на забвение (*right to be forgotten*), иначе иногда называемое правом на удаление (*right to erasure*), хотя последнее, пожалуй, несколько шире по объему.

Попробуем выявить особенности этих прав, определить их соотношение с «традиционными» правами человека и оценить таким образом оправданность утверждений о появлении в цифровую эпоху нового поколения прав человека.

2. Поколения прав человека

Классификация прав человека по так называемым поколениям, предложенная в 1970-х гг. К. Васаком⁹, несмотря на ее серьезную критику как исторически ошибочной, аналитически бесполез-

⁷ См., например: *Coccoli J.* Op. cit. P. 238–241.

⁸ Данная статья была введена в ГК РФ Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

⁹ См.: *Vasak K.* Human Rights: A Thirty-Year Struggle: The Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights // UNESCO Courier. 1977. No. 11. P. 28–29, 32.

ной и концептуально неправильной¹⁰, остается едва ли не самой популярной на сегодняшний день. Она примечательна тем, что в ее основу положена специфика содержания различных прав человека. Чешский ученый увязывал ее с тремя идеалами Французской революции — свободой, равенством и братством¹¹. Соответственно права первого поколения (естественные неотчуждаемые права человека) выражают притязания на личную свободу как в собственно негативном ее проявлении (непрепятствование тем или иным действиям), так и в плане требования предоставления государством судебной и полицейской защиты свободы и доступа к участию в осуществлении государственной власти как гарантии политической и личной свободы. Права второго поколения — это притязания на социальные услуги и помощь со стороны государства и общества в целях сглаживания социального неравенства и обеспечения каждому «достойного уровня жизни».

Различие между этими группами прав человека проводится и по характеру обязательств по их обеспечению. Права первого поколения являются непосредственно действующими субъективными правами, подлежащими судебной защите. Так, п. 1 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах¹² возлагает на каждое государство обязанность уважать их и обеспечивать всем находящимся под его юрисдикцией. А Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах¹³ требует от государств лишь принять меры к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление закрепленных в нем прав в пределах имеющихся у них ресурсов, в том числе в порядке международной помощи и сотрудничества в экономической и технической областях (п. 1 ст. 2). Соответствующие права сформулированы в Пакте таким образом, что, по сути, представляют собой программу таких мер, которые должны быть предприняты государствами и мировым сообществом в целом. Аналогичные подходы использованы и в европейских актах о правах человека — Конвенции

¹⁰ См.: *Macklem P. Human Rights in International Law: Three Generations or One?* // *London Review of International Law*. 2015. Vol. 3. Iss. 1. P. 62. Такая оценка данной классификации, равно как и согласие или несогласие с ней, обусловлены различием интерпретаций заложенных в ней смыслов, о чем, собственно, далее и пойдет речь.

¹¹ См.: *Vasak K. Pour une troisième génération des droits de l'homme* // *Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles in Honour of Jean Pictet* / Ed. by C. Swinarski. 1984. P. 837, 839.

¹² Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

¹³ Там же.

о защите прав человека и основных свобод¹⁴, Европейской социальной хартии от 18 октября 1961 г. и пересмотренной Европейской социальной хартии от 3 мая 1996 г.¹⁵

Понимание прав третьего поколения, ассоциируемых К. Васаком с идеей всеобщей солидарности, наиболее аморфно и противоречиво. К ним обычно относят права на мир, разоружение, справедливое мироустройство, обладание общим наследием человечества и т.п. Если рассматривать данные морально-политические пожелания (называть их притязаниями вряд ли уместно) в качестве прав человека, то неизбежно возникают вопросы: могут ли они быть признаны неотъемлемыми, кто является их субъектом и каковы юридические механизмы их осуществления и защиты. Очевидно, что эти весьма расплывчатые коллективные права не могут быть уподоблены естественным и неотчуждаемым правам человека и даже правам второго поколения. Традиционно их принято трактовать как права человеческого сообщества (сообществ) или даже права «всего человечества в целом»¹⁶ и будущих поколений¹⁷, что не позволяет конкретизировать субъекта соответствующих притязаний и противостоящих ему обязанных лиц. Отсюда невозможно представить (разработать) и юридические способы их защиты. Не случайно они находят свое выражение в различных международно-правовых актах декларативного характера¹⁸, не предполагающих каких-либо собственно юридических обязательств.

Поэтому, как отмечается в литературе, так называемые права третьего поколения корректнее рассматривать в качестве необходимых условий, предпосылок для обеспечения прав первого и второго поколений, а не собственно прав человека. Национальные и международное сообщества должны обеспечивать эти условия и предпосылки, но вряд ли можно говорить о наличии каких-либо средств юридической защиты, доступных лицу в случае нарушения этих обязательств¹⁹. Таким образом, данные обязательства имеют не юридический, а морально-политический характер. Стремление обосновать возможность привлечения к ответственности за неисполнение этих обязательств,

¹⁴ СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

¹⁵ Бюллетень международных договоров. 2010. № 4.

¹⁶ Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991. С. 30.

¹⁷ См.: Pocar F. Some Thoughts on the Universal Declaration of Human Rights and the “Generations” of Human Rights // International Human Rights Review. 2015. Vol. 10. P. 50–52.

¹⁸ Прежде всего в различных декларациях Генеральной Ассамблеи ООН.

¹⁹ См.: Pocar F. Op. cit. P. 49–50.

создающее угрозу правам будущих поколений людей, как за преступление против человечества²⁰ просто абсурдно.

Кроме того, к правам третьего поколения принято относить право нации на внутреннее и внешнее самоопределение, право нации на историческую родину (на самоопределение на той территории, с которой исторически связано ее формирование как нации), право народа на сопротивление правонарушающей власти и право народа на социально-экономическое развитие. Данные права не являются общепризнанными, четко определенными и безусловно гарантируемыми²¹. К. Васак указывал, что они находятся «в процессе признания

²⁰ См.: *Pocar F.* Op. cit. P. 52.

²¹ Возможность признания и условия юридического обеспечения этих прав, характер и содержание образующих их притязаний, их соотношение с общепризнанными принципами международного и внутреннего права (прежде всего — уважения государственного суверенитета и верховенства права) остаются предметом научной дискуссии, в рамках которой высказываются разные, порой диаметрально противоположные мнения (см., например: *Secession: International Law Perspectives* / Ed. by M.G. Kohen. Cambridge, 2006; *Liu H.* Two Faces of Self-Determination in Political Divorce // *Vienna Journal on International Constitutional Law*. 2016. Vol. 10. Iss. 4. P. 355—385; *Kaufmann A.* Small Scale Right to Resist // *New England Law Review*. 1985—1986. Vol. 21. No. 3. P. 571—580; *Shannonbrooke M.* The Right to Resist Reconsidered // *The Challenge of Human Rights: Past, Present and Future* / Ed. by D. Keane, Y. McDermott. Cheltenham, 2012. P. 91—113; *Özden M., Golay Ch.* The Right of Peoples to Self-determination and to Permanent Sovereignty over their Natural Resources Seen from a Human Rights Perspective. Geneva, 2010; *Blunt G.D.* (2017). Is There a Human Right to Resistance? // *Human Rights Quarterly*. 2017. Vol. 39. No. 4. P. 860—881. DOI: 10.1353/hrq.2017.0052; *Погребняк С.П., Уварова Е.А.* Сопротивление угнетению. Восстание. Революция (теоретико-правовой анализ в свете доктрины прав человека) // *Право і громадянське суспільство*. 2013. № 2. С. 4—61. Однозначные и даже сколь-нибудь определенные подходы в отношении данных прав не выработаны и в практике национальных и международных судов (см., например: *Supreme Court of Canada. Reference re Secession of Quebec*, [1998] 2 S.C.R. 217 // *Judgments of the Supreme Court of Canada by Lexum*. URL: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/1643/index.do> (дата обращения: 19.07.2019); *ECtHR. Loizidou v. Turkey*. Application no. 15318/89. Judgment of 23 March 1995 (Preliminary Objections). Judgment of 18 December 1996 (Merits); *International Court of Justice. Western Sahara. Advisory Opinion of 16 October 1975* // *International Court of Justice. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders*. 1975. P. 12—74 // *International Court of Justice*. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/61/061-19751016-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 19.07.2019); *International Court of Justice. Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo. Advisory Opinion of 22 July 2010* // *International Court of Justice*. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/141/141-20100722-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 19.07.2019); анализ последнего решения см.: *The Law and Politics of the Kosovo Advisory Opinion* / Ed. by M. Milanovic, M. Wood. Oxford, 2015; *Muharremi R.* Kosovo's Declaration of

международным правом»²², и с тех пор ситуация коренным образом не изменилась. По сути, данные права представляют собой попытку юридизировать отношения между социальными общностями, прежде всего этническими, придать им правовой характер. При этом нетрудно заметить, что права третьего поколения — это своего рода проекция прав первого и второго поколений на международные (именно международные, а не межгосударственные) отношения.

Таким образом, в рамках «поколенческой» классификации акцентируется специфика правовой природы двух групп прав человека, которые требуют соответствующих способов их обеспечения: (1) юридических гарантий беспрепятственного пользования в отношении естественных неотчуждаемых прав первого поколения, выражающих различные проявления индивидуальной свободы, и (2) активной социальной, прежде всего перераспределительной, политики государства, направленной на предоставление населению (или отдельным социально слабым группам и слоям населения) определенного набора социальных благ, услуг и помощи (прав второго поколения). Не вдаваясь в дискуссию о значимости каждой из этих групп прав и их соотношении, подчеркнем, что все известные права человека могут быть соотнесены с данными группами, включены в одну из них. В связи с этим классификация прав человека по поколениям представляется универсальной.

Однако такая интерпретация данной классификации прав человека не является общепризнанной. Широко распространено и основано на целом ряде международных документов представление о единой природе прав человека. В частности, Всеобщая декларация прав человека²³ рассматривается как целостный документ, и все провозглашенные в ней права неделимы, взаимосвязаны и взаимозависимы²⁴. Такой

Independence: Self-Determination and Sovereignty Revisited // Review of Central and East European Law. 2008. Vol. 33. Iss. 4. P. 401–435. Гарцль Б. Открытие ящика Пандоры, или Как право на самоопределение разжигает обманчивые страсти (некоторые международно-правовые аспекты независимости Косова) // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Т. 13. № 5. С. 92–116.

²² Vasak K. Human Rights: A Thirty-Year Struggle: The Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights. P. 29.

²³ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 21.06.2019).

²⁴ См., например: Whelan D.J. Indivisible Human Rights: A History. Philadelphia, 2010. P. 2; Nickel J.W. Rethinking Indivisibility: Towards a Theory of Mutually Supporting

характер Декларации и перечисленных в ней прав неоднократно подтверждался в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН²⁵ и иных международных документах²⁶. Сегодня данное представление о правах человека на уровне ООН является «неоспоримым» (“*beyond dispute*”)²⁷. В связи с этим утверждается, что классификация прав человека по поколениям не способствует лучшему пониманию их юридической природы и сущности²⁸. При этом, однако, Ф. Покар подчеркивает, что единые по своей природе права разных поколений предполагают различные обязательства, обеспечивающие их реализацию и защиту²⁹. Чем обусловливается различное осуществление единых по своей природе прав, остается не ясным.

Другие исследователи отрицают и это различие. П. Макклем настаивает на том, что права всех трех поколений в равной мере предполагают как позитивные, так и негативные обязательства по их осуществлению³⁰. Однако он игнорирует характер этих обязательств. Обязательства в отношении прав первого поколения связаны с обеспечением возможности пользоваться индивидуальной свободой: негативные сводятся к невмешательству в ее реализацию, а позитивные — к предоставлению судебной и полицейской защиты свободы, установлению и поддержанию соответствующего правопорядка. В от-

Relations between Human Rights // Human Rights Quarterly. 2008. Vol. 30. Iss. 4. P. 985; Macklem P. Op. cit. P. 63; Pocar F. Op. cit. P. 46.

²⁵ См., например: Резолюция 32/130 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1977 г. «Альтернативные подходы и пути и средства содействия в рамках системы Организации Объединенных Наций эффективному осуществлению прав человека и основных свобод» (преамбула, п. 1(а)) // United Nations. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/32/130> (дата обращения: 12.06.2019); Декларация о праве на развитие, одобренная Резолюцией 41/128 Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1986 г. (преамбула) // United Nations. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml (дата обращения: 12.06.2019).

²⁶ См., например: Proclamation of Tehran // Final Act of the International Conference on Human Rights. Tehran, 22 April to 13 May 1968. Doc. A/CONF.32/41. New York, 1968. P. 3–5. URL: http://legal.un.org/avl/pdf/ha/fatchr/Final_Act_of_TehranConf.pdf (дата обращения: 12.06.2019); Vienna Declaration and Programme of Action. Adopted by the World Conference on Human Rights in Vienna on 25 June 1993. A/CONF.157/23 (para 5 ch. I) // United Nations. Human Rights Office of the High Commissioner. URL: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/Vienna.aspx> (дата обращения: 12.06.2019).

²⁷ Whelan D.J. Op. cit. P. 1.

²⁸ См., например: Pocar F. Op. cit. P. 45.

²⁹ Ibid. P. 47–48.

³⁰ См.: Macklem P. Op. cit. P. 68–70.

ношении прав второго поколения могут быть только позитивные обязательства, которые заключаются в обеспечении «достойного уровня жизни» всех членов общества за счет перераспределения национального дохода в пользу социально слабых слоев населения и предоставления им социальных услуг и помощи³¹. То, что П. Макклем рассматривает как негативные обязательства по осуществлению прав второго поколения, на самом деле является либо собственно правами второго поколения (запрет отмены предоставления социальной помощи нуждающимся), либо правами первого поколения (запрет сноса принадлежащего человеку дома, трактуемый им как негативное обязательство в отношении права на жилище, — это притязание на уважение права собственности и частной жизни, т.е. требование невмешательства в индивидуальную свободу)³². Права третьего поколения по обозначенным выше причинам вообще не предполагают четких юридических обязательств по их обеспечению и защите.

Игнорирование юридической специфики прав разных поколений ведет к акцентированию хронологического аспекта данной классификации, фиксирующего развитие прав человека. На это указывал и сам К. Васак, отмечая, что его классификация показывает, как права человека утверждались в истории. Признание прав первого поколения он увязывал с Великой французской революцией, второго — с революцией 1917 г. в России, третьего — с крушением колониальной системы в середине XX в.³³ Однако классификация прав человека в зависимости от времени их признания на национальном и международном уровне подразумевает сугубо позитивистское их понимание как октроированных государством или международным сообществом, что противоречит современным трактовкам прав человека и не позволяет рассматривать их в качестве пределов государственной власти (в чем, собственно, и заключается их юридический

³¹ В связи с этим отождествление К. Васакон прав второго поколения с принципом равенства нуждается в пояснении. Они направлены на обеспечение определенной меры социального, материального, имущественного равенства, что достигается за счет нарушения правового формального равенства. Не случайно Ч. Бейтз подчеркивает, что социальные права «устанавливают несопоставимые стандарты благосостояния», и в этом отношении они «отличаются от иных прав человека, которые непосредственно привносят ценность равенства в доктрину прав человека» (*Beitz C.R. The Idea of Human Rights. Oxford, 2009. P. 161*).

³² См.: *Macklem P.* Op. cit. P. 69.

³³ См.: *Vasak K.* Pour une troisième génération des droits de l'homme // *Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles in Honour of Jean Pictet* / Ed. by C. Swinarski. P. 837.

смысл). Кроме того, хронологическая интерпретация классификации прав человека по поколениям не подтверждается исторически. На самом деле отмеченная К. Васаком хронологическая последовательность признания прав человека разных поколений на национальном и международном уровнях четко не просматривается. Так, право на сопротивление угнетению было закреплено еще во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. (ст. 2)³⁴, а развернутое обоснование права народа на восстание против деспотической власти было представлено в Декларации независимости США 1776 г.³⁵ и реализовано посредством ее провозглашения. Процесс международного признания прав второго поколения (в частности, трудовых прав) начал развиваться после Первой мировой войны и активизировался в связи с созданием Международной организации труда (МОТ) в 1919 г.³⁶ И значимость Всеобщей декларации прав человека отдельными исследователями усматривается именно в том, что она включила в сферу международно-правовой защиты личные и политические права³⁷, которые, с учетом реальной хронологии, и должны рассматриваться в качестве прав второго поколения³⁸. Права меньшинств, относимые К. Васаком к третьему поколению, упоминались и гарантировались в международных договорах начиная с XVII в. (например, в Вестфальском договоре 1648 г.³⁹). Международные договоры, направленные на защиту меньшинств (в частности, в связи с изме-

³⁴ См.: Французская Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 26.

³⁵ См.: Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты. М., 1993. С. 25.

³⁶ См.: *Alston P.* A Third Generation of Solidarity Rights: Progressive Development or Obfuscation of International Human Rights Law? // *Netherlands International Law Review*. 1982. Vol. 29. Iss. 3. P. 317; *Eide A.* Economic, Social and Cultural Rights as Human Rights // *Economic, Social, and Cultural Rights: A Textbook* / Ed. by A. Eide, C. Krause, A. Rosas. Dordrecht, 1995. P. 9, 15; *Macklem P.* Op. cit. P. 65–67.

³⁷ См.: *Eide A.* Op. cit. P. 17.

³⁸ См.: *Macklem P.* Op. cit. P. 65.

³⁹ См.: *Philpott D.* Religious Freedom and the Undoing of the Westphalian State // *Michigan Journal of International Law*. 2004. Vol. 25. Iss. 4. P. 981–998; *Osiander A.* Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth // *International Organization*. 2001. Vol. 55. No. 2. P. 251–287; *Beaulac S.* The Westphalian Legal Orthodoxy — Myth or Reality? // *Journal of the History of International Law*. 2000. Vol. 2. P. 148; *Krasner S., Froats D.* Minority Rights and the Westphalian Model // *The International Spread of Ethnic Conflict: Fear, Diffusion, and Escalation* / Ed. by D. Lake, D. Rothchild. Princeton, 1998. P. 227–250.

нением государственных границ), заключались после Первой мировой войны в рамках Лиги Наций⁴⁰. Принцип братства, на котором, по К. Васаку, основываются права третьего поколения, был провозглашен уже в ст. 1 Всеобщей декларации прав человека («все люди... должны поступать в отношении друг друга в духе братства»). Декларация также закрепляет и право на социальный и международный порядок, при котором провозглашенные в ней права могут быть полностью осуществлены (ст. 28), к чему, по сути, и сводятся все права третьего поколения.

Помимо исторической некорректности предложенная К. Васаком метафора поколений прав человека вводит в заблуждение и тем, что создает видимость сменяемости одних групп прав человека другими, вытеснение правами новых поколений старых прав. Ведь поколения, как известно, не просто следуют одно за другим, но сменяют предшествующие⁴¹. Она может способствовать «формированию представлений о том, что новые права, в частности, коллективные, должны защищаться за счет умаления прав предыдущих поколений, или, по крайней мере, пользоваться приоритетом по отношению к ним»⁴². Наконец, представители нового поколения не образуют иного вида; они остаются теми же самыми по своей природе, что и их родители. Между тем классификация прав человека по трем поколениям предполагает, что они представлены сущностно различными видами прав⁴³. Таким образом, хронологический аспект данной классификации входит в противоречие с содержательным, который, впрочем, как было показано, часто отрицается. Не признается и наличие какой-либо концептуальной связи между разными поколениями прав человека. Обеспечение прав предыдущих поколений не может рассматриваться как предпосылка или предварительное условие для реализации прав последующих поколений. Нет между ними и отношений приоритетности, в плане признания особой значимости прав одного поколения (обычно первого) по отношению к другим⁴⁴. Это прямо следует

⁴⁰ См.: *Hilpold P.* The League of Nations and the Protection of Minorities — Rediscovering a Great Experiment // *Max Planck Yearbook of United Nations Law*. 2013. Vol. 17. P. 87–124.

⁴¹ См.: *Alston P.* Op. cit. P. 307, 316; *Wellman C.* Solidarity, the Individual and Human Rights // *Human Rights Quarterly. A Comparative and International Journal of the Social Sciences, Humanities, and Law*. 2000. Vol. 22. No. 3. P. 639–641.

⁴² См. *Pocar F.* Op. cit. P. 45.

⁴³ См.: *Wellman C.* Op. cit. P. 640.

⁴⁴ См.: *Macklem P.* Op. cit. P. 74–75.

из принятого в ООН понимания прав человека как неделимых, взаимосвязанных и взаимозависимых. Фундаментальное (или органическое) единство всех прав человека означает, что реализация любого права или группы прав невозможна без реализации других, все права человека одинаково важны, неразрывно связаны между собой и взаимно укрепляют друг друга⁴⁵.

Такое понимание прав человека несовместимо с их классификацией по поколениям⁴⁶. Сторонники более мягкого варианта ее отрицания призывают «отказаться от упоминания о “поколениях” прав человека и говорить о различных последовательных периодах или стадиях в развитии юридического признания прав человека и степени защиты, предоставляемой им национальным и международным правом»⁴⁷. Очевидно, что количество таких стадий (или «поколений», если все же пользоваться уже достаточно устоявшейся терминологией, предложенной К. Васаком) может быть сколь угодно велико, и одновременно утверждение, что какие-то притязания, получившие признание в качестве прав человека, образуют их новое поколение, утрачивает всякий смысл, поскольку все права человека «неделимы, взаимосвязаны и взаимозависимы» и имеют единую природу и значимость.

Если же исходить из обозначенной в начале раздела сущностной специфики прав человека разных поколений, то обоснование появления нового поколения предполагает возникновение в результате развития социальной организации прав человека принципиально иной юридической природы по сравнению с правами первого и второго поколений⁴⁸. Цифровые права, сформировавшиеся в результате так называемой четвертой индустриальной революции, коренным образом изменившей характер многих социальных отношений, казалось бы, могут претендовать именно на такой статус. Чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение, необходимо проанализировать их генезис, характер образующих их притязаний и обязательств по их обеспечению, а также доступные способы их защиты.

⁴⁵ См.: *Whelan D.J.* Op. cit. P. 2.

⁴⁶ См.: *Ibid.* P. 211; *Macklem P.* Op. cit. P. 61–75.

⁴⁷ *Pocar F.* Op. cit. P. 47.

⁴⁸ Термин «поколение» здесь, действительно, сугубо метафоричен, но в определенной мере оправдан, поскольку акцентирует первичность прав первого поколения как историческую в смысле формирования и заявления соответствующих притязаний, так и юридическую в смысле их естественности, неотчуждаемости, безусловности и приоритетности их обеспечения и защиты.

3. Право на доступ к Интернету

Право на доступ к Интернету является базовым, поскольку все иные цифровые права производны от использования Интернета.

Генетически право на доступ к Интернету восходит к двум тесно взаимосвязанным правам первого поколения — свободе выражения и праву на информацию⁴⁹, и в общем может рассматриваться как средство их реализации⁵⁰. В ряде международных документов, посвященных обеспечению свободы информации, свободы выражения и свободы коммуникации, подчеркивалась значимость средств и инструментов, позволяющих их осуществлять, и даже содержались рекомендации признать «право общественности, этнических и социальных групп и отдельных лиц иметь доступ к информационным источникам и активно участвовать в коммуникационном процессе»⁵¹. Однако эта инициатива не получила развитие⁵², в частности, в связи с тем, что она «предполагала международные обязательства предоставить людям средства коммуникации, а страны и первого, и третьего мира не обладали ни ресурсами, ни волей, чтобы поддерживать или субсидировать их»⁵³.

Признание и обеспечение права на информацию во всех его аспектах (свобода искать, получать, передавать, производить и распространять информацию) никогда не доходила до возложения на государства позитивных обязательств по предоставлению людям средств коммуникации и передачи информации⁵⁴, т.е. право на информацию всегда оставалось в рамках первого поколения.

⁴⁹ См.: *Penney J.W.* Op. cit. P. 18–38.

⁵⁰ В свою очередь, свобода информации представляет собой дальнейшее развитие и условие осуществления свободы выражения, а свобода массовой информации и средств массовой информации выступает частным случаем и способом реализации свободы информации. В этом отношении весьма показательно, что в международно-правовых актах они гарантируются в рамках одних и тех же статей (ст. 19 Всеобщей декларации прав человека, ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

⁵¹ UNESCO: Records of the General Conference Twenty-first Session. Belgrade, 23 September to 28 October 1980. Vol. 1: Resolutions. Programme for 1981–1983 (4/19). P. 71. URL: <http://ulis2.unesco.org/images/0011/001140/114029EO.pdf> (дата обращения: 21.06.2019).

⁵² Подробнее см.: *Hamelink C.J.* Op. cit. P. 293–300.

⁵³ *Penney J.W.* Op. cit. P. 19.

⁵⁴ *Ibid.* P. 41.

Право на коммуникацию, синтезирующее притязания на свободу информации и свободу выражения, рассматривается в качестве прямого предшественника права на доступ к Интернету. Но, по мнению специалистов, движение за признание права на коммуникацию потерпело неудачу, потому что его сторонники не смогли предложить способ превращения свободы выражения в «позитивное» право, которое бы налагало на государства обязательства «предоставлять инструменты, обеспечивающие публичное выражение мнений»⁵⁵. Исследователи полагают, что именно идея свободы и доступности средств, обеспечивающих массовую коммуникацию и передачу информации, является «интеллектуальным источником» права на доступ к Интернету⁵⁶, т.е. они подчеркивают его принадлежность к правам как первого, так и второго поколений.

Международное признание права на доступ к Интернету в российской и зарубежной доктрине увязывают с Докладом Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю от 16 мая 2011 г. (A/HRC/17/27)⁵⁷, который был представлен Совету по правам человека ООН в соответствии с его Резолюцией 7/36 от 28 марта 2008 г.⁵⁸, где ему поручалось «продолжать излагать свои мнения о преимуществах и проблемах, обусловленных новыми информационными и коммуникационными технологиями, включая Интернет и мобильную связь» (п. 4 (f)). Однако вряд ли корректно утверждать, что этот Доклад является свидетельством «очевидного международного признания Интернет-прав»⁵⁹, что из него следует необходимость «признания доступа к Интернету в качестве права человека»⁶⁰ и что ООН признала «право на доступ к Интернету неотъемлемым правом человека»⁶¹, во-первых, в связи с сугубо рекомендательным характером этого документа,

⁵⁵ *Pennney J. W.* Op. cit. P. 19.

⁵⁶ *Ibid.* P. 30.

⁵⁷ Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/HRC/17/27> (дата обращения: 21.06.2019).

⁵⁸ Совет по правам человека. Резолюция 7/36 от 28 марта 2008 г. Мандат Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение // Организация Объединенных Наций. Совет по правам человека. URL: http://ap.ohchr.org/documents/R/HRC/resolutions/A_HRC_RES_7_36.pdf (дата обращения: 21.06.2019).

⁵⁹ *Pennney J. W.* Op. cit. P. 13.

⁶⁰ *Ibid.* P. 12.

⁶¹ *Талапина Э.В.* Права человека в Интернете. С. 44.

во-вторых, исходя из его содержания, в котором используются весьма осторожные формулировки, не дающие оснований для столь далеко идущих выводов. Вместе с тем данный Доклад интересен тем, что в нем представлены и систематизированы различные аспекты обеспечения доступа к Интернету.

Прежде всего весьма показательно, что Интернет рассматривается в Докладе в качестве «ключевого средства» реализации свободы выражения мнений, гарантированной ст. 19 Всеобщей декларации прав человека (п. 20), которая «была составлена таким образом, чтобы охватить и учесть будущие технологические разработки», в связи с чем «принципы международного права прав человека остаются актуальными и по сей день и одинаково применимыми к новым коммуникационным технологиям, таким как Интернет» (п. 21). Собственно в Докладе речь и идет о мерах, необходимых для реализации свободы выражения и свободы информации в Интернете.

В Докладе выделяются два аспекта доступа к Интернету: свободный доступ к содержащемуся в нем контенту (включая его создание и размещение) и наличие для этого необходимой инфраструктуры и информационно-коммуникационных технологий, таких как кабели, модемы, компьютеры, программное обеспечение и т.п. (п. 3). Аналогичные составляющие доступа к Интернету обосновываются и в доктринальных исследованиях. Так, А. Хуснутдинов, имея в виду примерно то же самое, пишет о технической и идеологической составляющих доступа к Интернету⁶². С юридической точки зрения речь идет о различного рода притязаниях, связанных с доступом к Интернету, которые по своей правовой природе относятся соответственно к первому и второму поколениям прав человека.

В отношении прав первого поколения (свобода контента в Интернете) в Докладе названы следующие негативные обязательства государств: недопустимость произвольного блокирования или фильтрации контента, лишаящего возможности получать и распространять информацию в Интернете (п. 29–32, 70–71), а также лишения доступа к Интернету (отключения от Интернета), в том числе при на-

⁶² См.: Хуснутдинов А. Право на доступ в Интернет — новое право человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4. С. 112–113. Под доступом к Интернету А. Хуснутдинов понимает «возможность подключения к этой компьютерной сети, а также возможность работы в ней: пользование ее информационными ресурсами, самостоятельного и активного распространения информации, создания информационных ресурсов и предоставления возможности доступа к ним для других лиц» (там же. С. 111), что вполне коррелирует с положениями Доклада.

рушении прав интеллектуальной собственности (п. 49–50, 78–79); запрет необоснованного нарушения конфиденциальности деятельности в Интернете (в том числе контроль переписки и иных сообщений) и криминализации законного выражения мнений в Интернете (отслеживания лиц, которые конфиденциально ищут, получают и передают информацию через Интернет, их задержание, содержание под стражей, иные формы преследования и запугивания) — п. 53–55, 57, 33–37, 72–73. К числу позитивных обязательств государств, выводимых из содержания Доклада, можно отнести: борьбу с кибератаками, т.е. предоставление защиты от несанкционированного проникновения в учетные записи и компьютерные сети (выявление виновных и привлечение их к ответственности, принятие предупредительных мер) — п. 51–52, 80–81⁶³; защиту персональных данных (п. 56, 58, 82–83); регулирование деятельности частных корпораций — посредников, которые обеспечивают коммуникацию в Интернете (размещение, передачу, индексирование контента и предоставление к нему доступа), в том числе их ответственности за размещение незаконного пользовательского контента (п. 38–48, 74–77).

В Докладе обращалось внимание на то, что все существующие международные стандарты в области обеспечения прав человека первого поколения должны оставаться ориентирами для определения допустимости тех или иных ограничений свободы выражения мнений и свободы информации в Интернете (п. 23). Прежде всего это требования их законности (правовой определенности) и соразмерности. В Докладе как воспроизводилось устоявшееся в международной и внутригосударственной судебной практике понимание данных требований (п. 24–26, 59, 69, 84), так и акцентировалась определенная специфика их применения в отношении информации, распространяемой в Интернете (п. 27).

Нетрудно заметить, что все эти аспекты доступа к Интернету, по сути, представляют собой обеспечение юридических гарантий осуществления в Интернете свободы информации и выражения мнения, права на уважения частной жизни и некоторых иных прав человека первого поколения. В Докладе специально обращалось внимание на то, что Интернет содействует реализации целого ряда прав человека (п. 22). Позднее эта идея была выражена в общем требовании: все

⁶³ Кибератаки, исходящие от самого государства (организуемые им), представляют собой нарушение его негативных обязательств по обеспечению свободы Интернета.

права, которые человек имеет в *offline*-среде, должны также защищаться и в *online*-среде⁶⁴.

Из этого же исходят и в рамках европейской системы защиты прав человека. В Рекомендации Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о свободе Интернета от 13 апреля 2016 г. Рес (2016) 5⁶⁵ отмечается, что Конвенция о правах человека и основных свободах действует как *offline*, так и *online*, и на государства — члены Совета Европы возлагаются негативные и позитивные обязательства уважать, защищать и продвигать права человека и основные свободы в Интернете (п. 1). Под свободой Интернета в Рекомендации понимается реализация в Интернете прав человека и основных свобод и их защита в соответствии с Конвенцией и Международным пактом о гражданских и политических правах. Государства — члены Совета Европы должны обеспечивать осуществление в Интернете положений Конвенции и других стандартов Совета Европы в области прав человека (п. 2). Собственно, данная Рекомендация и содержит индикаторы, на основании которых должна проводиться оценка осуществления в Интернете и в отношении Интернета гарантированных Конвенцией свободы выражения, свободы собраний и объединений, права на уважения частной жизни и права на эффективные средства правовой защиты. Данные установки реализуются и в практике Европейского суда по правам человека⁶⁶.

⁶⁴ См., например: Резолюция, принятая Советом по правам человека 16 июля 2012 г., № 20/8 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» (A/HRC/RES/20/8) — п. 1 // Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. URL: <https://undocs.org/A/HRC/RES/20/8> (дата обращения: 23.06.2019); Резолюция, принятая Советом по правам человека 1 апреля 2015 г., № 28/16 «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век» (A/HRC/RES/28/16) — п. 3 // Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. URL: <file:///C:/Users/User-pc/Downloads/G1506880.pdf> (дата обращения: 23.06.2019); Генеральная Ассамблея ООН. Совет по правам человека. Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете. 27 июня 2016 г. (A/HRC/32/L.20) — п. 1. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. URL: <https://undocs.org/ru/A/HRC/32/L.20> (дата обращения: 23.06.2019).

⁶⁵ Recommendation CM/Rec(2016)5 of the Committee of Ministers to Member States on Internet Freedom. Adopted by the Committee of Ministers on 13 April 2016 at the 1253rd Meeting of the Ministers' Deputies.

⁶⁶ См.: ECtHR. Research Division. Internet: Case-law of the European Court of Human Rights. 2011, 2015 (update). URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_internet_ENG.pdf (дата обращения: 21.06.2019); ECtHR. Press Unit. Access to Internet and Freedom to Receive and Impart Information and Ideas. June 2019. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/FS_Access_Internet_ENG.pdf (дата обращения: 21.07.2019); Mir J.B., Bassini M. Freedom of Expression in the Internet: Main Trends of

Аналогичный подход применяется и на национальном уровне. В частности, Конституционный Суд РФ в постановлении от 26 октября 2017 г.⁶⁷ указал, что гарантируемое Конституцией РФ право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29) и вытекающие из ряда иных ее положений (ч. 3 ст. 17, ст. 23, 24, ч. 1 ст. 44) ограничения данного права, равно как и соответствующие положения Международного пакта о гражданских и политических правах (ст. 19) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 10), в полной мере относятся к любой информации независимо от места и способа ее производства, передачи и распространения, включая сведения, размещаемые (передаваемые, распространяемые) в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В частности, свои правовые позиции относительно реализации права на тайну телефонных переговоров (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ), которая предполагает комплекс действий по защите информации⁶⁸, Конституционный Суд РФ рассматривает как правовые стандарты передачи любых сообщений независимо от того, какими средствами она осуществляется.

Интернет в данном случае выступает лишь средством и сферой (*online*-пространством) реализации прав первого поколения, а свобода доступа к нему образует отдельные аспекты этих прав, прежде всего свободы информации и свободы выражения мнений, а также права на уважение частной жизни.

the Case Law of the European Court of Human Rights // The Internet and Constitutional Law. The Protection of Fundamental Rights and Constitutional Adjudication in Europe / Ed. by O. Pollicino, G. Romeo. London; New York, 2016. P. 71–93.

⁶⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 25-П по делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова (п. 2 мотивировочной части) // СЗ РФ. 2017. № 45. Ст. 6735.

⁶⁸ См.: определение Конституционного Суда РФ от 2 октября 2003 г. № 345-О об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года «О связи» (п. 2 мотивировочной части) // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1; определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 528-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Муллина Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 9 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 53 Федерального закона «О связи» (абз. 1 п. 2.1 мотивировочной части) // СПС «КонсультантПлюс».

Вместе с тем в Докладе Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю от 16 мая 2011 г. подчеркивалась особая роль Интернета (по сравнению с иными средствами коммуникации), который, будучи интерактивным средством, коренным образом меняет процессы производства информации и обмена ею, вовлекая в них огромные массы людей (п. 19), обеспечивая транспарентность власти и участие граждан в создании демократического общества (п. 2). Интернет не только значительно расширяет возможности свободного выражения мнений, но и «служит “активизатором” других прав человека, содействует экономическому, социальному и политическому развитию, а также развитию человечества в целом» (п. 67).

В связи с этим в Докладе государствам рекомендовалось принять конкретные и эффективные стратегии по обеспечению необходимой инфраструктуры доступа к Интернету, с тем чтобы позволить всем слоям общества активно и недорого пользоваться им (п. 66, 85). В этих целях развитые государства должны содействовать передаче соответствующих технологий развивающимся странам (п. 86). Особое внимание следует уделять обеспечению доступа к Интернету лицам с ограниченными возможностями здоровья, представителям языковых и иных меньшинств (п. 61, 87). Государствам рекомендовано включить курс обучения работе в Интернете в школьные программы, а также развивать аналогичные образовательные программы за пределами школы (п. 88). Ориентация государств на выполнение этих обязательств позволяет говорить о доступе к Интернету как праву человека второго поколения. Однако сформулированы они весьма общим и довольно расплывчатым образом, чтобы однозначно констатировать международно-правовое признание такого права. В частности, в Докладе отмечалось, что сразу обеспечить всеобщий и повсеместный доступ к Интернету невозможно (п. 66).

В последующих докладах Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение данные подходы к обеспечению свободы доступа к Интернету нашли свое подтверждение и развитие⁶⁹. При этом аспектам доступа

⁶⁹ См.: Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу убеждений, мнений и их свободное выражение от 4 сентября 2013 г. (A/68/362) // Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. URL: <https://undocs.org/ru/A/68/362> (дата обращения: 23.06.2019); Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение от 8 сентября 2015 г. (A/70/361) //

к Интернету в контексте права второго поколения внимания практически не уделялось. Речь шла об обеспечении гарантий реализации соответствующих прав человека первого поколения в Интернете.

Некоторые элементы обеспечения доступа к Интернету в качестве права второго поколения можно найти в Резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 г. № A/RES/70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»⁷⁰, где в рамках цели № 9 в области устойчивого развития «Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям», в частности, предполагается «существенно расширить доступ к информационно-коммуникационным технологиям и стремиться к обеспечению всеобщего и недорогого доступа к Интернету в наименее развитых странах к 2020 году» (п. 9с).

Среди индикаторов наличия благоприятных условий для свободы Интернета и свободы доступа к Интернету, содержащихся в Приложении к Рекомендации Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о свободе Интернета от 13 апреля 2016 г. Рес (2016) 5, также есть такие, которые предполагают возложение на государства позитивных обязательств, соответствующих второму поколению прав человека, в частности: предоставление пользователям программ цифровой грамотности, чтобы повысить их способность принимать обоснованные решения и уважать права и свободы других лиц; способствование доступу к просветительскому, культурному, научному,

Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. URL: <https://undocs.org/ru/A/70/361> (дата обращения: 23.06.2019); Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение от 6 сентября 2016 г. (A/71/373) // Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. URL: <https://undocs.org/ru/A/71/373> (дата обращения: 23.06.2019); Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение от 30 марта 2017 г. (A/HRC/35/22) // Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. URL: <https://undocs.org/ru/A/HRC/35/22> (дата обращения: 23.06.2019); Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение от 28 августа 2018 г. (A/73/348) // Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. URL: <https://undocs.org/ru/A/73/348> (дата обращения: 23.06.2019); Слежение и права человека. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение от 28 мая 2019 г. (A/HRC/41/35) // Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. URL: <https://undocs.org/ru/A/HRC/41/35> (дата обращения: 23.06.2019).

⁷⁰ URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 18.06.2019).

образовательному и другому контенту и его использованию (п. 1.8); организация для населения пунктов доступа к Интернету в учреждениях, поддерживаемых государственной администрацией, образовательными организациями или частными лицами (п. 2.1.2); принятие разумных мер для обеспечения доступа к Интернету лиц с низким уровнем дохода, лиц, проживающих в сельских или географически отдаленных районах, а также лиц с особыми потребностями, например с ограниченными возможностями здоровья (п. 2.1.3).

Право на доступ к Интернету не получило однозначного признания и на национальном уровне. Примеры такого признания, приводимые в международных актах (п. 65 Доклада Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю от 16 мая 2011 г.) и доктринальных работах⁷¹, во-первых, весьма немногочисленны, а во-вторых, их интерпретация не всегда корректна. Рассмотрим некоторые из них.

В Конституции Греции (в редакции от 27 мая 2008 г.)⁷² закрепляется, что все лица имеют право участвовать в информационном обществе. А облегчение доступа к информации, передаваемой в электронном виде, а также ее производства, обмена и распространения признано обязанностью государства, которая реализуется при соблюдении гарантий прав на неприкосновенность жилища, корреспонденции, уважения частной и семейной жизни и защиту персональных данных (с. 2 ст. 5 А). Очевидно, что из данной формулировки однозначно не следует право на доступ к Интернету в контексте ни первого⁷³, ни второго поколений.

Конституция Непала 2015 г.⁷⁴ в ст. 19 закрепляет право на коммуникацию, содержание которого сводится к запретам (разумеется, с це-

⁷¹ См., например: *Талапина Э.* Право на информацию в свете теории субъективного публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6. С. 81; *она же.* Права человека в Интернете С. 43–44; *она же.* Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 3. С. 130–131; *Хуснутдинов А.* Указ. соч. С. 113–116.

⁷² The Constitution of Greece. As revised by the parliamentary resolution of May 27th 2008 of the VIIIth Revisionary Parliament. URL: <https://www.hellenicparliament.gr/UserFiles/f3c70a23-7696-49db-9148-f24dce6a27c8/001-156%20aggliko.pdf> (дата обращения: 22.06.2019).

⁷³ Эти притязания вытекают, скорее, из ч. 1 данной статьи, гарантирующей право на информацию.

⁷⁴ Nepal's Constitution of 2015. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Nepal_2015.pdf 9 (дата обращения: 25.06.2019).

лым рядом оговорок и допустимых ограничений): предварительной цензуры информации, распространяемой различным образом — в печати, посредством радио- и телевидения и т.п., в том числе и электронных публикаций (ч. 1); закрытия, ареста или аннулирования регистрации любых средств массовой информации, включая цифровые и электронные (ч. 2); закрытия любых средств связи, включая прессу, электронные и телефонию (ч. 3). Другими словами, речь здесь идет о вполне традиционных гарантиях свободы информации и средств массовой информации, к числу которых отнесены и электронные, что очевидным образом предполагает и свободу Интернета, но никак не его особое положение и наличие отдельного права на доступ к нему.

Конституционный совет Франции в решении от 10 июня 2009 г.⁷⁵ отметил, что Декларация прав человека и гражданина 1789 г. провозглашает свободное распространение идей и мнений одним из самых ценных прав человека; это означает, что каждый гражданин может свободно говорить, писать и публиковать, неся ответственность лишь за злоупотребление данной свободой в случаях, предусмотренных законом; в нынешнем состоянии средств коммуникации и с учетом общего развития публичных *online*-коммуникационных услуг и их значимости для участия в демократических процессах и выражения идей и мнений это право предполагает свободу доступа к таким услугам (п. 12). Данное решение Конституционный совет вынес, рассматривая законопроект, который предусматривал возможность приостановления доступа к Интернету лиц, неоднократно нарушающих права интеллектуальной собственности посредством распространения в Интернете нелегальных копий объектов авторских прав. Заявители утверждали, что установленная законодателем санкция, предусматривающая приостановление доступа к Интернету, не учитывает фундаментальный характер свободы выражения и коммуникации и является очевидно несоразмерной (п. 11). Таким образом, фактически Конституционный совет признал доступ к Интернету одним из необходимых в современных условиях способов реализации свободы выражения мнений (причем в контексте прав первого поколения — запрет необоснованного лишения доступа к Интернету).

Определенные элементы признания доступа к Интернету в качестве права второго поколения заложены в эстонском Законе о публич-

⁷⁵ Décision n° 2009-580 DC du 10 juin 2009 // Conseil constitutionnel. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2009/2009580DC.htm> (дата обращения: 19.06.2019).

ной информации от 15 ноября 2000 г.⁷⁶ Параграф 33 «Доступ к сети передачи данных» предусматривает, что каждому человеку должна быть предоставлена возможность иметь свободный доступ к публичной информации через Интернет в публичных библиотеках в соответствии с процедурой, предусмотренной в Законе о публичных библиотеках. Однако показательно, что данное положение включено в закон об информации и носит весьма ограниченный характер — это не принятие обязательства обеспечить доступ к Интернету в целом, а лишь определенные гарантии возможности получения публичной информации с помощью Интернета.

Более общий характер обязательств государства в плане технического обеспечения доступа к Интернету устанавливает испанский Закон об устойчивой экономике от 4 марта 2011 г.⁷⁷, где предусмотрено предоставление универсальной услуги соединения, обеспечивающего широкополосную передачу данных со скоростью 1 Мбит в секунду (с. 52).

Аналогичные обязательства признала за государством и Конституционная палата Верховного суда Коста-Рики, отметив в решении от 18 июня 2010 г. № 2010-10627, что отказ по техническим причинам в предоставлении государственной услуги по широкополосному доступу к Интернету нарушает основные права заявителя на коммуникацию и информацию, и обязав соответствующие службы продолжить предоставление данной услуги⁷⁸.

Но в целом, для того чтобы говорить о наличии тенденции конституционного признания доступа к Интернету в качестве самостоятельного права человека, а не ««приложения» к праву на информацию»⁷⁹, пока нет оснований. Таким образом, право на доступ к Интернету закреплено лишь в Конституции Португалии (в редакции 2008 г.)⁸⁰; ч. 6

⁷⁶ Public Information Act // Riigi Teataja. URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/ee/Riigikogu/act/518012016001/consolide> (дата обращения: 23.06.2019).

⁷⁷ Ley 2/2011, de 4 de marzo, de Economía Sostenible // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. URL: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2011-4117 (дата обращения: 15.06.2019).

⁷⁸ Изложение содержания решения см.: La Sala Constitucional ordena brindar servicio de internet. SC-CP-26-10. San José, 18 de junio de 2010 // Sala Constitucional República de Costa Rica. URL: <https://www.poder-judicial.go.cr/salaconstitucional/index.php/component/phocadownload/category/115-c2010?download=1958:sc-cp-26-10> (дата обращения: 18.06.2019).

⁷⁹ Хуснутдинов А. Указ. соч. С. 123.

⁸⁰ Constitution of the Portuguese Republic // DRE. URL: <https://dre.pt/constitution-of-the-portuguese-republic> (дата обращения: 15.06.2019).

ст. 35 «Использование информационных технологий» устанавливает, что «каждому гарантирован свободный доступ к информационным сетям общего пользования». При этом в Конституции отдельно гарантируются свобода выражения и свобода информации, а также свобода прессы и других средств массовой информации (ст. 37–39). В большинстве же новейших конституционных актов и решений органов конституционного контроля доступ к Интернету рассматривается именно как элемент свободы выражения мнений и свободы информации, необходимое условие их реализации (а также и некоторых других прав человека).

Обоснование права на доступ к Интернету остается спорным вопросом и на доктринальном уровне. Исследователи отмечают, что доступ к Интернету не может рассматриваться как универсальное естественное право, принадлежащее всем людям в силу их природы. Природа человека не предполагает доступа к Интернету, люди веками жили без него без ущерба для своей природы и, возможно, будут обходиться без него и в будущем, если на смену Интернету придут новые более эффективные технологии⁸¹.

Но доступ к Интернету сам по себе юридической ценности не имеет, он важен как средство реализации других прав и в целом свободы человека — основы всех его естественных прав. Социальные формы и способы бытия человеческой свободы разнообразны и исторически изменчивы. Сегодня они становятся все более технологически оснащенными и технологически зависимыми. Интернет (и необходимость доступа к нему) — одно из проявлений этой тенденции. Притязания на конкретные социально-исторически и культурно (в том числе и технологически) обусловленные способы реализации личной свободы вполне могут квалифицироваться как права человека. Безусловно, осуществление практически всех прав человека возможно (пока еще возможно) и без доступа к Интернету, но гораздо менее эффективно.

И все же именно инструментально-технологическое понимание Интернета является основным препятствием к признанию доступа к нему самостоятельным правом человека. Интернет рассматривается как исторически преходящий инструмент реализации различных прав, доступ к которому сам по себе правом быть не может: «...Лошадь, возможно, когда-то была незаменима для жизни человека, но теперь ей на смену пришли сто лошадей под капотом машины, стоящей в гара-

⁸¹ См.: *Tomalty J.* Is There a Human Right to Internet Access? // *Philosophy Now*. 2017. Vol. 118. P. 6–8.

же, который, в свою очередь, заменил прежде необходимый сарай»⁸². Однако другим исследователям такая аналогия не кажется корректной: «Возможности, которые предоставляет Интернет, делают его не просто инструментом. Это основополагающая система, которая, скорее, служит дорогой для наших путешествий, чем лошадью, на которой мы едем»⁸³. В этом контексте право на доступ к Интернету можно уподобить как свободе передвижения (первое поколение), так и обязательствам государства создавать и поддерживать соответствующую инфраструктуру (второе поколение).

Право на доступ к Интернету в самом общем виде может быть определено как право беспрепятственного подключения к Интернету⁸⁴ и осуществления в нем различных видов деятельности. Оно охватывает притязания, которые по своей юридической природе относятся как к первому, так и ко второму поколению прав человека. Притязания в рамках прав первого поколения сводятся к свободе от какого бы то ни было вмешательства со стороны как государства, так и частных лиц в отношении доступа к сети «Интернет» в целом и любым интернет-ресурсам и их использования (получения и распространения информации, установления и поддержания коммуникации и т.п.).

Данные притязания могут рассматриваться как одно из новых проявлений индивидуальной свободы — свободы доступа в виртуальную среду (цифровое пространство) и функционирования в ней. При этом, как уже отмечалось, свобода функционирования в интернет-пространстве не является новым самостоятельным правом человека, а представляет собой реализацию традиционных прав в новых (виртуальных, цифровых) условиях. С юридической точки зрения регулирование их обеспечения и защиты не содержит в себе ничего нового, за исключением («всего лишь») необходимости учитывать технологические ограничения, налагаемые цифровой средой.

В качестве нового права может рассматриваться только право на сам доступ к Интернету. Как право первого поколения оно предполагает негативные обязательства государства не запрещать и не ограничивать доступ к Интернету (отдельным интернет-ресурсам) и его позитивные обязательства по установлению правового регулирова-

⁸² *Cerf V.G.* Emergent Properties, Human Rights, and the Internet // IEEE Internet Computing. 2012. Vol. 16. Iss. 2. 87.

⁸³ *Sniadecki T.D.* A Road Compared to a Horse: An Examination of Internet Access as a Human Right // Grand Valley State University. Honors Projects. 2014. URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/honorsprojects/283> (дата обращения: 22.05.2019).

⁸⁴ См.: *Penney J.W.* Op. cit. P. 15.

ния доступа к Интернету, в том числе его допустимых ограничений, и предоставлению защиты от неправомерных ограничений, в том числе и со стороны частных лиц.

Обосновывать доступ к Интернету в качестве самостоятельного права человека или считать его аспектом и условием реализации иных прав, прежде всего свободы выражения и свободы информации, свободы собраний и объединений, — в теоретическом плане принципиально не важно. Это аналогично дискуссии о том, является ли свобода средств массовой информации самостоятельным правом или аспектом свободы выражения и свободы информации. В практическом отношении понимание свободы доступа к Интернету как аспекта свободы выражения и свободы информации (или иных прав человека) целесообразнее, поскольку в данном случае более очевидна возможность экстраполяции на эти отношения сложившихся подходов к обеспечению соответствующих прав⁸⁵ или необходимость их некоторой модификации⁸⁶.

Признание права на доступ к Интернету в качестве права второго поколения позволит обеспечить его для большего числа людей⁸⁷. Однако здесь возникают проблемы, обусловленные тем, что доступ к Интернету, как правило, предоставляется частными лицами (компаниями), естественно, на возмездной основе, так как для них соответствующая деятельность является коммерческой. Эти проблемы в целом преодолимы. Во-первых, предоставление технической и финансовой возможности доступа к Интернету не может быть безусловным, как и любая социальная услуга. Бесплатный доступ к Интернету будет предоставляться лицам, которые не могут его обеспечить себе самостоятельно на воз-

⁸⁵ На применении традиционных правовых категорий при рассмотрении дел, связанных с новыми технологиями, неоднократно настаивал известный американский судья Верховного суда А. Скалия (см.: Supreme Court of the United States: *City of Ontario, Cal.v. Quon*. 130 S Ct 2619 (2010) 560 U.S. 746 // LEAGLE. URL: <https://www.leagle.com/decision/insco20100617c51> (дата обращения: 24.06.2019); *United States v. Jones*. 132 S. Ct. 945 (2012). URL: <https://stanford.edu/~jmayr/law696/week8/United%20States%20v.%20Jones.pdf> (дата обращения: 24.06.2019)).

⁸⁶ В частности, отмечается необходимость определенной корректировки традиционного теста на пропорциональность, используемого для определения допустимости ограничений прав человека при разрешении дел, связанных с Интернетом (см.: *Fontanelli F.* The Court of Justice of the European Union and the Illusion of Balancing in Internet-Related Disputes // *The Internet and Constitutional Law. The Protection of Fundamental Rights and Constitutional Adjudication in Europe* / Ed. by O. Pollicino, G. Romeo. London; New York, 2016. P. 94–117).

⁸⁷ См.: *Sniadecki T.D.* Op. cit.

мездной основе в силу своего финансового положения, и в определенных пределах (скорость, период пользования и т.п.).

Наиболее очевидным способом (по аналогии с другими социальными услугами) обеспечения доступа к Интернету является предоставление субсидий для оплаты услуг интернет-провайдеров либо организация общественных пунктов бесплатного доступа к Интернету. Возможна и даже желательна комбинация этих способов. Что касается обеспечения необходимым для доступа к Интернету оборудованием (компьютером и т.п.), то, если проводить аналогию с техническими устройствами, позволяющими пользоваться средствами информации (телевизоры, радиоприемники), на удовлетворение таких притязаний вряд ли следует рассчитывать. Впрочем, с учетом особой и постоянно возрастающей значимости Интернета для реализации целого ряда прав человека (а не только права на доступ к информации), такой вопрос может и возникнуть.

Во-вторых, создание необходимой технической инфраструктуры доступа к Интернету обеспечивается установлением на государственном уровне соответствующих требований к строительству и эксплуатации зданий, сооружений, линий связи и т.п. (здесь можно провести определенную аналогию с созданием доступной среды для лиц с ограниченными возможностями). Право на доступ к Интернету в контексте второго поколения прав предполагает также образовательную поддержку для лиц пожилого возраста и лиц с ограниченными возможностями. У государств имеется богатый опыт организации таких образовательных программ и кампаний, начиная еще с борьбы с неграмотностью в ее традиционном, а не цифровом смысле.

В литературе справедливо отмечается, что «в случае отнесения права на доступ в Интернет к фундаментальным правам [подчеркну, правам второго поколения. — *Н.В.*] обязанность государства» по его обеспечению приобретет «технические характеристики — точка доступа, скорость»⁸⁸. Однако в данном случае публичный интернет-сервис неизбежно будет ограничен (по скорости, виду контента — текст гораздо дешевле видео и т.п.), чтобы затраты на его предоставление не стали чрезмерно обременительными⁸⁹.

И наконец, признание права на доступ к Интернету в качестве права второго поколения не должно привести к его огосударствлению, ибо

⁸⁸ *Талапина Э.* Право на информацию в свете теории субъективного публичного права. С. 82.

⁸⁹ См.: *Cerf V.G.* Op. cit. P. 87.

в противном случае неизбежны ограничения свободы доступа к Интернету.

Безусловно, Интернет не может быть сведен просто к новому техническому средству, с помощью которого осуществляется поиск и передача информации. Его роль в социальных отношениях и степень воздействия на них намного значительнее. С одной стороны, Интернет и связанные с ним технологии имеют «безграничный» потенциал для развития новых форм индивидуализма, самоопределения и социального прогресса; с другой — он может стимулировать появление новых технологий контроля, цензуры и надзора, при использовании которых свобода и конфиденциальность окажутся под угрозой⁹⁰. Интернет несет в себе как великую свободу, так и большую угрозу для нее⁹¹.

Показательно, что изначально специалисты в области киберправа отстаивали свободу Интернета и отвергали любые юридические или технологические формы контроля за ним. Они исходили из того, что киберпространство находится вне досягаемости и контроля как правительств, так и традиционной индустрии⁹², к нему неприменимо традиционное право, виртуальный мир может быть подвержен лишь децентрализованному саморегулированию⁹³ и воздействию технологических устройств⁹⁴. Однако возможности и угрозы, заложенные в интернет-технологии, заставили пересмотреть эти подходы. Признание доступа к Интернету в качестве права человека и необходимости обеспечения *online* всех традиционных прав человека закладывает надлежащие основы для правового регулирования отношений в цифровом пространстве.

⁹⁰ См.: *Shapiro A.L.* The Control Revolution: How the Internet Is Putting Individuals in Charge and Changing the World We Know. New York, 1999. P. xi.

⁹¹ См.: *Penney J.W.* Op. cit. P. 11.

⁹² См.: A Declaration of the Independence of Cyberspace // *Crypto Anarchy, Cyberstates, and Pirate Utopias* / Ed. by P. Ludlow. 2001. P. 28.

⁹³ См., например: *Hardy I.T.* The Proper Legal Regime for “Cyberspace” // *University of Pittsburgh Law Review*. 1994. Vol. 55. P. 1015–1055; *Johnson D.R., Post D.G.* Law and Borders — The Rise of Law in Cyberspace // *Stanford Law Review*. 1996. Vol. 48. No. 5. P. 1367, 1387–1391; *Perritt H.H.* Cyberspace Self-Government: Town Hall Democracy or Rediscovered Royalism? // *Berkeley Technology Law Journal*. 1997. Vol. 12. Iss. 2. P. 413, 419.

⁹⁴ См., например: *Reidenberg J.R.* Lex Informatica: The Formulation of Information Policy Rules through Technology // *Texas Law Review*. 1998. Vol. 76. No. 3. P. 553, 555.

Обоснование доступа к Интернету в качестве самостоятельного права человека базируется на признании Интернета особым, чрезвычайно значимым благом⁹⁵. Такая особая значимость доступа к Интернету, который в современных условиях выступает необходимым условием реализации всех остальных прав человека, может быть принята в качестве довода в пользу признания его самостоятельным правом человека, но не наличия у него специфической юридической природы. Подобная «особая значимость» для осуществления иных прав человека констатировалась в отношении многих прав, в частности, того же права на информацию⁹⁶, права на жизнь⁹⁷ и др.

Наличие в структуре права на доступ к Интернету притязаний, относимых как к первому, так и ко второму поколениям прав человека, тоже не является его уникальной особенностью. Такими же по своей структуре являются, например, право на образование, которое предполагает как свободу преподавания, право родителей обеспечивать детям образование в соответствии со своими философскими и религиозными убеждениями (ст. 2 Протокола № 1 к Конвенции), свободу доступа в образовательные учреждения (без какой-либо дискриминации), свободу создания частных школ, университетов и т.п., так и право на бесплатное получение образования определенного уровня, содействие со стороны государства в получении высшего и иного профессионального образования, и право на труд, включающее в себя наряду со свободой труда (свобода выбора профессии и работы, запрет принудительного труда) также и государственное содействие занятости и гарантии защиты интересов наемного работника как более «слабой» стороны в трудовых отношениях.

Окончание в следующем номере

⁹⁵ См., например: Хуснутдинов А. Указ. соч. С. 110.

⁹⁶ Генеральная Ассамблея ООН еще в 1946 г. заявила, что свобода информации является фундаментальным правом человека, краеугольным камнем, лежащим в основании всех свобод, признаваемых Объединенными Нациями (UN General Assembly. Calling of an International Conference on Freedom of Information. 14 December 1946. A/RES/59 // refworld. URL: <https://www.refworld.org/docid/3b00f0975f.html> (дата обращения: 30.06. 2019).

⁹⁷ Европейский суд по правам человека признает приоритет ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод как одного из самых важных положений Конвенции, поскольку она защищает право на жизнь, без которого пользование любым другим конвенционным правом или свободой становится невозможным (ECtHR. *Pretty v. the United Kingdom*. Application no. 2346/02. Judgment of 29 April 2002. Para. 37. Series A. No. 116. Para. 48).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гарцль Б. Открытие ящика Пандоры, или Как право на самоопределение разжигает обманчивые страсти (некоторые международно-правовые аспекты независимости Косова) // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Т. 13. № 5. С. 92–116.

Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М.: Юрид. лит., 1991.

Погребняк С.П., Уварова Е.А. Сопротивление угнетению. Восстание. Революция (теоретико-правовой анализ в свете доктрины прав человека) // Право і громадянське суспільство. 2013. № 2. С. 4–61.

Талапина Э.В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Т. 13. № 5. С. 117–150.

Талапина Э.В. Права человека в Интернете // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 41–54. DOI: 10.12737/art_2019_2_4

Талапина Э. Право на информацию в свете теории субъективного публично-го права // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6. С. 70–83. DOI: 10.21128/1812-7126-2016-6-70-83

Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2019. Т. 14. № 3. С. 122–146. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-talapina

Хуснутдинов А. Право на доступ в Интернет — новое право человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4. С. 109–123. DOI: 10.21128/1812-7126-2017-4-109-123

Alston P. A Third Generation of Solidarity Rights: Progressive Development or Obfuscation of International Human Rights Law? // Netherlands International Law Review. 1982. Vol. 29. Iss. 3. P. 307–322. DOI: 10.1017/S0165070X00012882

Beaulac S. The Westphalian Legal Orthodoxy — Myth or Reality? // Journal of the History of International Law. 2000. Vol. 2. P. 148–177.

Beitz C.R. The Idea of Human Rights. Oxford: Oxford University Press, 2009. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199572458.001.0001

Blunt G.D. Is There a Human Right to Resistance? // Human Rights Quarterly. 2017. Vol. 39. No. 4. P. 860–881. DOI: 10.1353/hrq.2017.0052

Cerf V.G. Emergent Properties, Human Rights, and the Internet // IEEE Internet Computing. 2012. Vol. 16. Iss. 2. 87–88.

Coccoli J. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era // Peace Human Rights Governance. 2017. Vol. 1. Iss. 2. P. 223–250. DOI: 10.14658/pupj-phrg-2017-2-4

Crypto Anarchy, Cyberstates, and Pirate Utopias / Ed. by P. Ludlow. Cambridge: MIT Press, 2001. DOI: 10.7551/mitpress/2229.001.0001

Eide A. Economic, Social and Cultural Rights as Human Rights // Economic, Social, and Cultural Rights: A Textbook / Ed. by A. Eide, C. Krause, A. Rosas. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1995. P. 9–28.

Fisher D. The Right to Communicate: A Status Report. UNESCO Reports and Papers on Mass Communication. No. 94. Paris: UNESCO, 1982.

Fontanelli F. The Court of Justice of the European Union and the Illusion of Balancing in Internet-Related Disputes // The Internet and Constitutional Law. The Protection of Fundamental Rights and Constitutional Adjudication in Europe / Ed. by O. Pollicino, G. Romeo. London; New York: Routledge, 2016. P. 94–117. DOI: 10.4324/9781315684048

Hamelink C.J. The Politics of World Communications: A Human Rights Perspective. London: Sage, 1994.

Hardy I.T. The Proper Legal Regime for “Cyberspace” // University of Pittsburgh Law Review. 1994. Vol. 55. P. 993–1055.

Hilpold P. The League of Nations and the Protection of Minorities — Rediscovering a Great Experiment // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2013. Vol. 17. P. 87–124.

Johnson D.R., Post D.G. Law and Borders — The Rise of Law in Cyberspace // Stanford Law Review. 1996. Vol. 48. No. 5. P. 1367–1402. DOI: 10.2307/1229390

Kaufmann A. Small Scale Right to Resist // New England Law Review. 1985–1986. Vol. 21. No. 3. P. 571–580.

Kosovo and International Law: The ICJ Advisory Opinion of 22 July 2010 / Ed. by P. Hilpold. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff, 2012. DOI: 10.1163/9789004221291

Krasner S., Froats D. Minority Rights and the Westphalian Model // The International Spread of Ethnic Conflict: Fear, Diffusion, and Escalation / Ed. by D. Lake, D. Rothchild. Princeton: Princeton University Press, 1998. P. 227–250.

Liu H. Two Faces of Self-Determination in Political Divorce // Vienna Journal on International Constitutional Law. 2016. Vol. 10. Iss. 4. P. 355–385. DOI: 10.1515/icl-2016-0402

Macklem P. Human Rights in International Law: Three Generations or One? // London Review of International Law. 2015. Vol. 3. Iss. 1. P. 61–92. DOI: 10.1093/lril/lrv001

Mir J.B., Bassini M. Freedom of Expression in the Internet: Main Trends of the Case Law of the European Court of Human Rights // The Internet and Constitutional Law. The Protection of Fundamental Rights and Constitutional Adjudication in Europe / Ed. by O. Pollicino, G. Romeo. London; New York: Routledge, 2016. P. 71–93. DOI: 10.4324/9781315684048

Muharremi R. Kosovo’s Declaration of Independence: Self-Determination and Sovereignty Revisited // Review of Central and East European Law. 2008. Vol. 33. Iss. 4. P. 401–435. DOI: 10.1163/157303508x3

Nickel J.W. Rethinking Indivisibility: Towards a Theory of Mutually Supporting Relations Between Human Rights // Human Rights Quarterly. 2008. Vol. 30. Iss. 4. P. 984–1001. DOI: 10.1353/hrq.0.0046

Osiander A. Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth // International Organization. 2001. Vol. 55. No. 2. P. 251–287.

Özden M., Golay Ch. The Right of Peoples to Self-determination and to Permanent Sovereignty over their Natural Resources seen from a Human Rights Perspective. Geneva: CETIM, 2010.

Penney J.W. Internet Access Rights: A Brief History and Intellectual Origins // William Mitchell Law Review. 2011. Vol. 38. Iss. 1. P. 10–42.

Perritt H.H. Cyberspace Self-Government: Town Hall Democracy or Rediscovered Royalism? // *Berkeley Technology Law Journal*. 1997. Vol. 12. Iss. 2. P. 413–482. DOI: 10.15779/Z38N08W

Philpott D. Religious Freedom and the Undoing of the Westphalian State // *Michigan Journal of International Law*. 2004. Vol. 25. Iss. 4. P. 981–998.

Pocar F. Some Thoughts on the Universal Declaration of Human Rights and the “Generations” of Human Rights // *International Human Rights Review*. 2015. Vol. 10. P. 43–53.

Reidenberg J.R. Lex Informatica: The Formulation of Information Policy Rules through Technology // *Texas Law Review*. 1998. Vol. 76. No. 3. P. 553–593.

Secession: International Law Perspectives / Ed. by M.G. Kohen. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. DOI: 10.1017/CBO9780511494215

Shannonbrooke M. The Right to Resist Reconsidered // *The Challenge of Human Rights: Past, Present and Future* / Ed. by D. Keane, Y. McDermott. Cheltenham: Edward Elgar, 2012. P. 91–113. DOI: 10.4337/9780857939012.00012

Shapiro A.L. The Control Revolution: How the Internet Is Putting Individuals in Charge and Changing the World We Know. New York: A Century Foundation, 1999.

Sniadecki T.D. A Road Compared to a Horse: An Examination of Internet Access as a Human Right // Grand Valley State University. Honors Projects. 2014. URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/honorsprojects/283> (дата обращения: 22.05.2019).

The Law and Politics of the Kosovo Advisory Opinion / Ed. by M. Milanovic, M. Wood. Oxford: Oxford University Press, 2015. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198717515.001.0001

The Right to Communicate: A New Human Rights / Ed. by D. Fisher, L.S. Harms. Dublin: Boole Press, 1983

Tomalty J. Is There a Human Right to Internet Access? // *Philosophy Now*. 2017. Vol. 118. P. 6–8.

Vasak K. Human Rights: A Thirty-Year Struggle: The Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights // *UNESCO Courier*. 1977. No. 11. P. 28–29, 32.

Vasak K. Pour une troisième génération des droits de l’homme // *Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles in Honour of Jean Pictet* / Ed. by C. Swinarski. Geneva: Martinus Nijhoff; International Committee of the Red Cross, 1984. P. 837–850.

Wellman C. Solidarity, the Individual and Human Rights // *Human Rights Quarterly. A Comparative and International Journal of the Social Sciences, Humanities, and Law*. 2000. Vol. 22. No. 3. P. 639–657.

Whelan D.J. Indivisible Human Rights: A History. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2010. DOI: 10.9783/9780812205404

REFERENCES

Alston, P. (1982). A Third Generation of Solidarity Rights: Progressive Development or Obfuscation of International Human Rights Law? *Netherlands International Law Review*, 29(3), pp. 307–322. DOI: 10.1017/S0165070X00012882

Beaulac, S. (2000). The Westphalian Legal Orthodoxy — Myth or Reality? *Journal of the History of International Law*, 2, pp. 148–177.

Beitz, C.R. (2009). *The Idea of Human Rights*. Oxford: Oxford University Press. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199572458.001.0001

Blunt, G.D. (2017). Is There a Human Right to Resistance? *Human Rights Quarterly*, 39 (4), pp. 860–881. DOI: 10.1353/hrq.2017.0052

Cerf, V.G. (2012). Emergent Properties, Human Rights, and the Internet. *IEEE Internet Computing*, 16(2), pp. 87–88.

Coccoli, J. (2017). The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era. *Peace Human Rights Governance*, 1(2), pp. 223–250. DOI: 10.14658/pupj-phrg-2017–2–4

Eide, A. (1995). Economic, Social and Cultural Rights as Human Rights. In: A. Eide, C. Krause and A. Rosas, eds. *Economic, Social, and Cultural Rights: A Textbook*. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1995. P. 9–28.

Fisher, D. (1982). *The Right to Communicate: A Status Report*. UNESCO Reports and Papers on Mass Communication. No. 94. Paris: UNESCO.

Fisher, D. and Harms, L.S., eds. (1983). *The Right to Communicate: A New Human Rights*. Dublin: Boole Press.

Fontanelli, F. (2016). The Court of Justice of the European Union and the Illusion of Balancing in Internet-related Disputes. In: O. Pollicino and G. Romeo, eds. *The Internet and Constitutional Law. The Protection of Fundamental Rights and Constitutional Adjudication in Europe*. London; New York: Routledge, pp. 94–117. DOI: 10.4324/9781315684048

Hamelink, C.J. (1994). *The Politics of World Communications: A Human Rights Perspective*. London: Sage.

Hardy, I.T. (1994). The Proper Legal Regime for “Cyberspace”. *University of Pittsburgh Law Review*, 55, pp. 993–1055.

Harzl, B. (2018). Otkrytie yashchika Pandory, ili Kak pravo na samoopredelenie raz-zhigaet obmanchivye strasti (nekotorye mezhdunarodno-pravovye aspekty nezavisimosti Kosova) [The Opening of a Pandora’s Box or How the Right to Self-determination Inflames Illusory Passions (Some International Legal Aspects of Kosovo’s Independence)]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 13(5), pp. 92–116. (in Russ.).

Hilpold, P. (2013). The League of Nations and the Protection of Minorities — Rediscovering a Great Experiment. *Max Planck Yearbook of United Nations Law*, 17, pp. 87–124.

Hilpold, P., ed. (2012). *Kosovo and International Law: The ICJ Advisory Opinion of 22 July 2010*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff. DOI: 10.1163/9789004221291

Johnson, D.R. and Post, D.G. (1996). Law and Borders — The Rise of Law in Cyberspace. *Stanford Law Review*, 48(5), pp. 1367–1402. DOI: 10.2307/1229390

Kaufmann, A. (1985–1986). Small Scale Right to Resist. *New England Law Review*, 21(3), pp. 571–580.

Khusnutdinov, A. (2017). Pravo na dostup v Internet — novoe pravo cheloveka? [Is the Right to Access the Internet a New Human Right?]. *Sravnitel’noe konstitutsion-*

noe obozrenie [Comparative Constitutional Review], (4), pp. 109–123. (in Russ.). DOI: 10.21128/1812-7126-2017-4-109-123

Kohen, M.G., ed. (2006). *Secession: International Law Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511494215

Krasner, S. and Froats, D. (1998). Minority Rights and the Westphalian Model. In: D. Lake and D. Rothchild, eds. *The International Spread of Ethnic Conflict: Fear, Diffusion, and Escalation*. Princeton: Princeton University Press, pp. 227–250.

Liu, H. (2016). Two Faces of Self-Determination in Political Divorce. *Vienna Journal on International Constitutional Law*, 10(4), pp. 355–385. DOI: 10.1515/ycl-2016-0402

Ludlow, P. ed. (2001). *Crypto Anarchy, Cyberstates, and Pirate Utopias*. Cambridge: MIT Press. DOI: 10.7551/mitpress/2229.001.0001

Macklem, P. (2015). Human Rights in International Law: Three Generations or One? *London Review of International Law*, 3(1), pp. 61–92. DOI:10.1093/lril/lrv001

Milanovic, M. and Wood, M., eds. (2015). *The Law and Politics of the Kosovo Advisory Opinion*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198717515.001.0001

Mir, J.B. and Bassini, M. (2016). In: O. Pollicino and G. Romeo, eds. *The Internet and Constitutional Law. The Protection of Fundamental Rights and Constitutional Adjudication in Europe*. London; New York: Routledge, pp. 71–93. DOI: 10.4324/9781315684048

Muharremi, R. (2008). Kosovo's Declaration of Independence: Self-Determination and Sovereignty Revisited. *Review of Central and East European Law*, 33(4), pp. 401–435. DOI: 10.1163/157303508x3

Müllerson, R.A. (1991). *Prava cheloveka: idei, normy, real'nost'* [Human Rights: The Ideas, Norms and Reality]. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (in Russ.).

Nickel, J.W. (2008). Rethinking Indivisibility: Towards a Theory of Mutually Supporting Relations Between Human Rights. *Human Rights Quarterly*, 30(4), pp. 984–1001. DOI: 10.1353/hrq.0.0046

Osiander, A. (2001). Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth. *International Organization*, 55(2), pp. 251–287.

Özden, M. and Golay, Ch. (2010). *The Right of Peoples to Self-determination and to Permanent Sovereignty over their Natural Resources seen from a Human Rights Perspective*. Geneva: CETIM.

Penney, J.W. (2011). Internet Access Rights: A Brief History and Intellectual Origins. *William Mitchell Law Review*, 38(1), pp. 10–42.

Perritt, H.H. (1997). Cyberspace Self-Government: Town Hall Democracy or Rediscovered Royalism? *Berkeley Technology Law Journal*, 12(2), pp. 413–482. DOI: 10.15779/Z38N08W

Philpott, D. (2004). Religious Freedom and the Undoing of the Westphalian State. *Michigan Journal of International Law*, 25(4), pp. 981–998.

Pocar, F. (2015). Some Thoughts on the Universal Declaration of Human Rights and the “Generations” of Human Rights. *International Human Rights Review*, 10, pp. 43–53.

Pogrebnyak, S.P. and Uvarova, E.A. (2013). Soprotivlenie ugneteniyu. Vosstanie. Revolyutsiya (teoretiko-pravovoi analiz v svete doktriny prav cheloveka) [Resistance to

Oppression. Insurrection. Revolution (Theoretical and Legal Analysis in the Light of the Doctrine of Human Rights)]. *Pravo i gromadyans'ke suspil'stvo* [Law and Civil Society], (2), pp. 4–61. (in Russ.).

Reidenberg, J.R. (1998). Lex Informatica: The Formulation of Information Policy Rules through Technology. *Texas Law Review*, 76(3), pp. 553–593.

Shannonbrooke, M. (2012). The Right to Resist Reconsidered. In: D. Keane and Y. McDermott, eds. *The Challenge of Human Rights: Past, Present and Future*. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 91–113. DOI: 10.4337/9780857939012.00012

Shapiro, A.L. (1999). *The Control Revolution: How the Internet Is Putting Individuals in Charge and Changing the World We Know*. New York: A Century Foundation.

Sniadecki, T.D. (2014). *A Road Compared to a Horse: An Examination of Internet Access as a Human Right*. [online] Grand Valley State University. Honors Projects. Available at: <http://scholarworks.gvsu.edu/honorsprojects/283> [Accessed 22 May 2019].

Talapina, E. (2016). Pravo na informatsiyu v svete teorii sub'ektivnogo publichno-go prava [Right to Information in the Light of the Subjective Rights Theory]. *Sravni-tel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], (6), pp. 70–83. (in Russ.). DOI: 10.21128/1812-7126-2016-6-70-83

Talapina, E.V. (2018). Zashchita personal'nykh dannyykh v tsifrovuyu ehpokhu: rossiiskoe pravo v evropeiskom kontekste [Personal Data Protection in the Digital Era: Russian Law in the European Context]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 13(5), pp. 117–150. (in Russ.).

Talapina, E.V. (2019). Ehvolutsiya prav cheloveka v tsifrovuyu ehpokhu [Evolution of Human Rights in the Digital Era]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 14(3), pp. 122–146. (in Russ.). DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-talapina

Talapina, E.V. (2019). Prava cheloveka v Internetе [Human Rights on the Internet]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], (2), pp. 41–54. (in Russ.). DOI: 10.12737/art_2019_2_4

Tomalty, J. (2017). Is There a Human Right to Internet Access? *Philosophy Now*, 118, pp. 6–8.

Vasak, K. (1977). Human Rights: A Thirty-Year Struggle: The Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights. *UNESCO Courier*, (11), pp. 28–29, 32.

Vasak, K. (1984). Pour une troisième génération des droits de l'home. In: C. Swinarski, ed. *Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles in Honour of Jean Pictet*. Geneva: Martinus Nijhoff; International Committee of the the Red Cross, pp. 837–850.

Wellman, C. (2000). Solidarity, the Individual and Human Rights. *Human Rights Quarterly. A Comparative and International Journal of the Social Sciences, Humanities, and Law*, 22(3), pp. 639–657.

Whelan, D.J. (2010). *Indivisible Human Rights: A History*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. DOI: 10.9783/9780812205404

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Варламова Наталия Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук.

AUTHOR'S INFO:

Natalia V. Varlamova — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Leading Research Fellow of the Human Rights Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Варламова Н.В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН / *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2019. Т. 14. № 4. С. 9–46. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova

CITATION:

Varlamova, N.V. (2019). Digital Rights — New Generation of Human Rights? *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 14(4), pp. 9–46. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-4-varlamova